

Масумех ЭХТИАРИ ЧАРОЙМАГИ

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье анализируется усиление противоречий в правящих кругах Российской империи, связанных с разногласиями по поводу дальнейшей политики в Китае и, в первую очередь, в Маньчжурии; делается попытка реконструировать детали русско-английских отношений на Дальнем Востоке в начале XX в. Автором представлен сравнительный анализ путей закабаления Китая российскими и британскими политическими кругами, промышленными и финансовыми группировками на Дальнем Востоке.

В начале XX в. на северо-востоке Китая, в Маньчжурии, столкнулись сферы интересов великих держав – России и Англии. Строительство и организация движения по КВЖД требовали значительных средств и финансовых влияний. Ситуация усложнялась тем, что Великобритания препятствовала России в решении этих вопросов. Неоднозначную позицию занимал и Китай, который, с одной стороны, был заинтересован в политической и финансовой поддержке со стороны России, а с другой – опасался ее чрезмерного усиления в Маньчжурии. Особый страх как Китая, так и западных держав вызывала угроза аннексии этой территории Россией.

The article examines the contradictions in the ruling circles of the Russian Empire, related to disagreements about future policy in China and, primarily, in Manchuria; an attempt to reconstruct the details of Russian-British relations in the Far East in the early 20th century is made. The author presents the comparative analysis of ways of enslaving China by Russian and British political circles, industrial and financial groups in the Far East.

At the beginning of the 20th century the north-east China, Manchuria primarily, was the area of interests of the great powers – Russia and England. Construction and organization of the traffic on the CER required significant resources and financial influences. The situation was complicated by the fact that the UK prevented Russia in solving these issues. China had an ambiguous position: on the one hand, this country was interested in political and financial support from Russia, but at the same time China feared the excessive gain of Russia in Manchuria. Special fear of both China and the Western countries was the threat of Russian annexation of this territory.

Ключевые слова:

Россия, Англия, политические и экономические противоречия, Дальний Восток; Russia, England, political and economic contradictions, Far East.

1 января 1901 г. правительство России приняло решение об отмене порто-франко на Дальнем Востоке. Свободно ввозились лишь продовольствие и техника, в первую очередь сельскохозяйственная. Оценивая данный шаг, необходимо признать, что он, бесспорно, был сделан в интересах буржуазии центра, хотя по мере возможности в нем были учтены и стремления дальневосточных предпринимателей.

Располагая данными официальной статистики, опубликованными в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли» за 1897–1902 гг., можно сделать вывод, что отмена привела к 3–5-кратному росту вывоза из России в русские порты Тихого океана бумажных тканей, сахара, табака, вин, металлоизделий и др. Свободно привозились в край зерно, скот, масло и другая сельскохозяйственная продукция, на переработку которой была ориентирована местная промышленность, прежде всего мукомольная. Дальневосточные торговые дома содержали грузовые пароходства по Амуру и Сунгари, что решало проблему скупки и доставки зерна. Для ограждения от конкуренции приамурские мукомолы настаивали на введении пошлин на ввоз муки, в т.ч. маньчжурской. Тем самым была сохранена 100-верстная сухопутная зона свободной торговли. В неизменности такого положения были заинтересованы и владельцы многочисленных пивоваренных и винокуренных заводов края. Для винокуров Маньчжурия представляла особый интерес как возможный рынок сбыта продукции. На Маньчжурский регион ориентировались и владельцы спичечных фабрик во Владивостоке и Благовещенске. Однако русские товары в Китае не выдерживали

ЭХТИАРИ
ЧАРОЙМАГИ
Масумех
Али (Иран) –
аспирант кафедры
истории России
XIX – начала
XX в. МГУ
им. М.В. Ломоносова
masuekhtiari@
gmx.com

конкуренции с иностранными ни по цене, ни по качеству¹.

По структуре своей внешней торговли Россия занимала промежуточное положение: она выступала и в качестве экспортера сырья и продовольствия для развитых, и импортера для отсталых стран. К началу XX в. необходимость новой торговой политики сформулировал министр финансов С.Ю. Витте. Его программа превентивного захвата азиатских рынков, начавшая осуществляться еще в 1890-х гг., исходила из возможности удачной конкуренции продукции русских фабрик с западными товарами.

Однако усилия С.Ю. Витте продолжать борьбу за рынок вывоза русского капитала становились рискованными с точки зрения не только английской буржуазии, но и французской биржи, которая была гораздо больше озабочена судьбой царских финансов в целом, чем проблемами Русско-Китайского банка в Маньчжурии. Таким образом, от своего союзника (Франции) политика России на Дальнем Востоке не получила поддержки².

Затянувшийся экономический кризис, охлаждение в отношениях с Францией и раздуваемые В.М. Безобразовым подозрения против С.Ю. Витте и его курса на союз с интернациональным банковским капиталом толкнули последнего летом 1902 г. на образование Маньчжурского горно-промышленного товарищества целиком на средства казны. Русско-Китайскому банку было представлено фактическое рабочее участие на основе заинтересованности банка в половине прибылей в обмен на «всякую поддержку, как влиянием, так и опытом, и персоналом банка»³.

Политическую ситуацию после оккупации Маньчжурии Витте считал чрезвычайно благоприятной для захвата маньчжурских недр и лесов. Он видел, что в России был «недостаток в капиталах даже для эксплуатации ее собственных природ-

ных богатств, и потому едва ли найдутся у России средства для разработки рудных месторождений Китая⁴. Но, будучи оптимистом, он был «глубоко убежден», что «если царизм будет держаться существующей экономической политики, то через года два все опять войдет в норму»⁵. Все это время необходимо было проводить активную государственную политику, рассчитанную на «мирные», чисто экономические методы.

4 февраля 1902 г. тотчас же после срыва переговоров об общей монополии Русско-Китайского банка в Пекине С.Ю. Витте принял меры, чтобы на деле обеспечить за русским правительством права на все возможные промышленные концессии в Маньчжурии посредством отдельных конкретных соглашений банка с провинциальными властями. Он торопил своих банковских агентов на месте, чтобы они возможно энергичнее занялись скупкой концессий на добычу золота, железа, нефти, никеля и каменного угля, на эксплуатацию лесов по р. Ялу и «на другие крупные предприятия»⁶, и образовал для планомерного проведения этой операции особое Маньчжурское горнопромышленное товарищество.

Таковы были попытки завладеть промышленными объектами в Маньчжурии после неудачи с получением формальной монополии на них по общему договору с пекинским правительством от 30 января (12 февраля) 1902 г. Представители обеих политических групп — и империалистической, и феодальной — проявили большую заинтересованность в этом деле, причем в обоих случаях шла речь о вложениях целиком из средств казны.

Побывав в Маньчжурии осенью 1902 г., С.Ю. Витте поднял вопрос о необходимости новой железнодорожной концессии на линию от ст. Куанченцзы к Гирию, считая необходимым предварительно вывести русские полевые войска и занять войсками пограничной стражи все главные города Маньчжурии⁷. После оконча-

¹Троицкая Н.А. Русская дальневосточная буржуазия и северо-восточный Китай // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. — Владивосток, 1996, т. 1, с. 57–58.

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. — Л., 1928, с. 476–477.

³ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). — М.; Л.: Наука, 1955, с. 205.

⁴ Письмо С.Ю. Витте Сипягину 12 июля 1901 г. // Красный архив, 1926, № 5(18), с. 45.

⁵ Там же.

⁶ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. — Л., 1928, с. 369–383.

⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960, т. I, с. 155.

ния Боксерского восстания и некоторой стабилизации внутреннего положения в Китае основной проблемой внешней политики России стало укрепление влияния в Маньчжурии, завершение строительства КВЖД и обеспечение наиболее благоприятных условий эксплуатации этого участка Дальневосточной железной дороги.

В то же время в начале XX в. возросло английское влияние в Пекине, прежде всего в результате ослабления позиций русской дипломатии¹. Усилились противоречия в правящих кругах Российской империи, связанные с разногласиями по поводу дальнейшей политики в Китае, и в первую очередь в Маньчжурии.

Провозглашение отказа от захвата Маньчжурии и обещание вывести оттуда свои войска было, безусловно, торжеством политики С.Ю. Витте и поражением А.Н. Куропаткина (пока, конечно, только принципиальным). А.Н. Куропаткин всегда неохотно соглашался на вывод войск, особенно из северной Маньчжурии, и до последнего момента стоял за присоединение северной Маньчжурии к России по военно-стратегическим соображениям.

Фактически С.Ю. Витте до самой своей отставки сосредоточивал в своих руках пружины и нити всей дальневосточной политики. Этому способствовало назначение В.Н. Ламздорфа министром иностранных дел, что уменьшило шансы экспансионистски настроенных политиков, противодействующих умеренному курсу Витте в Китае.

После окончания Боксерского восстания начались переговоры великих держав о возмещении понесенных ими убытков. Из 500 млн руб., которые Китай обязался уплатить в возмещение их «убытков», на долю России пришлось около 184 млн руб.

В.Н. Ламздорф сделал практический вывод о необходимости скорейшей подготовки полной эвакуации войск из Маньчжурии. Ибо «при малейшем неосторожном действии со стороны наших военных властей на месте, нередко склонных предъявлять требования по праву завоевания и указывать на сделанные в Китае приобретения штыком и кровью, воз-

можно, всегда ожидать перехода Японии к активной политике»².

В результате неудачных переговоров в Петербурге возник новый план российской дипломатии: отдать Корею Японии и самим открыто отказаться от «захвата» Маньчжурии. Однако Россия не была готова уйти из Маньчжурии без всяких условий. Это понималось как «ограждение интересов» Общества КВЖД. В число сформулированных тогда же в Петербурге условий возвращения Китаю Южно-Маньчжурских железных дорог финансовое ведомство включило требование о предоставлении Обществу КВЖД концессии на линию к Пекину, и именно это выдавалось за «ограждение интересов» КВЖД³.

Из документальных источников известно, что с января 1901 г. Лондон был центром взаимного зондирования и неофициальных бесед между английской, японской и германской сторонами. Речь шла о том, при каких условиях Япония пошла бы на выступление против России из-за Маньчжурии. Германия готова была обещать строгий нейтралитет, Англия не отказывалась обсуждать вопрос о помощи флотом. Япония решительно заявляла, что не остановится перед войной без посторонней помощи из-за Кореи, но в случае войны из-за Маньчжурии ее тревожил вопрос о позиции, какую займет Франция как союзница России.

18 (31) июля 1901 г. в Лондоне граф Хаяси Тадасу получил предложение начать переговоры о союзе, прямо связывая их с позицией России в Маньчжурии. 19 июля (1 августа) в Петербурге В.Н. Ламздорф в ответ на мартовский демарш Японии сообщил своим коллегам о принятом царем решении приступить к эвакуации русских войск из Маньчжурии по собственному почину.

20 июля (2 августа) в Пекине Ли Хунчжан заявил одному из агентов С.Ю. Витте, что он желал бы возможно скорейшего очищения Маньчжурии от русских войск и потому хотел возбудить вопрос о пере-

² Переписка министра ин. дел В.Н. Ламздорфа с другими членами царского правительства и российскими представителями в Японии и других странах относительно политики царского правительства на Дальнем Востоке // Красный архив, 1934, № 2(63), с. 31.

³ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). – М.; Л.: Наука, 1955, с. 147.

¹ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). – М.: Европа, 2006, с. 452.

смотре соглашения о Маньчжурии, и просил узнать мнение С.Ю. Витте по этому вопросу¹. Отношения Пекина и Петербурга повернули дело целиком в пользу англо-японских переговоров. В результате 30 января (12 февраля) В.Н. Ламсдорфу был официально предъявлен готовый текст англо-японского союзного договора.

Провал царской дипломатии здесь заключался не только в том, что она не сумела или не смогла предотвратить эту опасную для России комбинацию. Главное состояло в том, что Россия была застигнута этой комбинацией врасплох. Для объяснения сложившейся ситуации С.Ю. Витте пустил в ход легенду, согласно которой русофильский экс-министр Ито приехал в Петербург, чтобы договориться о союзе с Россией, да только вот царь под влиянием «безобразовской шайки» помешал своим министрам. Ито был встречен «холодно», не нашел «сочувствия наверху» и уехал в Англию, где немедленно вслед за тем и был заключен англо-японский союзный договор².

23 сентября (6 октября) в Пекине изучили и одобрили договор о выводе войск. Ли Хунчжан попросил у представителя Русско-Китайского банка дать ему проект банковского соглашения от 24 сентября (7 октября). Сопоставляя даты, следует отметить, что этот шаг был сделан почти день в день с данным из Токио 25 сентября (8 октября) телеграфным предписанием японскому послу в Лондоне приступить к формальным переговорам об англо-японском союзе. Далее 27 сентября (10 октября) Ли Хунчжан, получив проект банковского соглашения, устроил русскому представителю банка бурную сцену и категорически отказался отдать в руки банка всю Маньчжурию. 30 сентября (3 октября) в Петербурге было получено телеграфное сообщение из Токио, что японский министр иностранных дел барон Д. Комура весьма озабочен полученными из Пекина известиями о возобновлении переговоров о Маньчжурии. Наконец, 2 (15) октября Ли Хунчжан в Пекине заявил одновременно русскому послу о желании

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928, с. 315, 317.

² Витте С.Ю. Указ. соч., т. 1, с. 183.

подписать договор о выводе войск, а банковскому представителю – о неизбежности протестов держав по поводу концессионных монополий, внушив своими упорными ссылками на это препятствие подозрение о том, что «не связан ли уже Китай в этом вопросе секретным обязательством с иностранными державами»³.

Пекинские переговоры прервались. До начала февраля 1902 г. петербургские оптимисты еще прилагали усилия, чтобы договориться с Пекином, стоя на старых позициях и торгуясь за каждое слово в банковском соглашении, лишь бы отстоять Маньчжурию от наводнения иностранцами⁴. Договор 26 марта (8 апреля) 1902 г., по которому Россия обязалась вывести свои войска из Маньчжурии к 26 сентября (9 октября) 1903 г., был плодом очевидного для всех ее дипломатического поражения в вопросе о влиянии в Маньчжурии⁵.

Дипломатический договор, таким образом, зацепился за банковский, и дело с ними зашло в тупик.

Определилась позиция Англии: с самого начала ведя двусмысленную игру закулисного подстрекательства то одной, то другой стороны, английская буржуазия теперь открыто в своей прессе приветствовала возможность противопоставить России сильную Японию⁶.

Царская дипломатия, особой оговоркой в договоре 26 марта поставившая эвакуацию русских войск из Маньчжурии в зависимость от образа действий других держав, попала в сложную для себя обстановку. Теперь действия России на Дальнем Востоке еще больше осложнились противодействием европейских держав и Японии. Англо-японский военно-политический союз 1902 г. был направлен против России и являлся грозным предвестником будущей русско-японской войны.

³ Попов А.Л. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный архив, 1932, № 3(52), с. 62–83.

⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л., 1928, с. 325–344.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952, с. 324–327.

⁶ Попов А.Л. Указ. соч., с. 62–83.